

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 316.733

ФИЛОСОФИЯ КАК «ФАБРИКАЦИЯ ОБРАЗОВ»: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

О.А. Верещагин

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал)

Представлен опыт критической рефлексии в отношении современных практик визуальных исследований. Визуалистика (иконистика) оценивается автором в статусе интегрального мультидисциплинарного направления социогуманитаристики. Опыт визуальных исследований, как полагает автор, является комплементарным в отношении традиционных практик философской рефлексии и открывает новые перспективы в аналитике когнитивных явлений и процессов.

***Ключевые слова:** лингвистический поворот, визуальные исследования, иконический поворот, репрезентация, референция, образ, изображение*

Опыты концептуальной и категориальной трансгрессии и философская инноватика – таковы основополагающие интенции современного постфилософствования, пытающегося отрефлексировать собственные интеллектуальные основания и пределы саморазвития. Дрейф от онтологии к философии сознания, лингвофилософии и лингвонтологии ознаменовал собой переход к «лингвоцентрированным практикам» философской рефлексии и связан с обстоятельствами так называемого «лингвистического поворота» («текстуализм», «нарративизм», «семиотизм» и т. п.). Очевидно, что «лингвистическая парадигма» по большому счету исчерпала свой эвристический потенциал уже в рамках постструктурализма и грамματοлогии, развеявших последние метафизические надежды на извлечение онтологической глубины, шифра или кода, в котором содержится тайнопись бытия.

Реликтовое эхо прежних дискуссий еще соприсутствует и соучаствует в актуальном философском дискурсе, однако лишь во вторичном качестве эпигонства и апологетизма либо в тональности и стилистике апокалиптики всей гуманитарной (философской) культуры. «От слова к цифре, от коммуникации к коммутации» – так называется заключительная глава монографического исследования нижегородского философа В.А. Кутырева [8], вынесшего на публичное обсуждение проблему нынешнего статуса философского знания в ситуации «post-post-mo». Оставляя в стороне вопрос о релевантности, взаимной соотнесенности и контекстуальной связанности текстов Кутырева, можно смело утверждать, что в отечественной гуманитарной культуре существует одноименный

«философский проект», представляющий собой критическую рефлексию оснований современной ментальной сферы. «Философский проект Кутырева» заявляет о себе в статусе самоназванной практики археоавангарда, т. е. интеллектуального движения, претендующего на интернализацию чуждых и противоположенных ей ценностей культуры post-post-mo с последующим опытом переосмысления и «переживания» основополагающих интенций «постмодернистской чувствительности».

Специально отметим, что «постмодернистский комплекс» относится к симптоматике и диагностике кризисного («болезненного») состояния современного философского знания, существующего в режиме «пролиферации поворотов». Метастазирующие явления на древе нынешней философии очевидны, поэтому после череды поворотов («лингвистический», «текстуалистский», «пространственный», «иконический» и т. п.) принято говорить о смерти философии или постфилософии.

В представленном Кутыревым ракурсе («язык людей: от крика к тишине») рассматривается комплекс проблем, которые, собственно говоря, и составляют пресловутый «постмодернистский комплекс» в гуманитарной культуре Запада последних десятилетий. Речь идет о сопряженности в традиционной метафизике таких понятий, как Бог, Природа, Человек. Вторичными производными понятиями из этого ряда являются понятия Голоса, Слова и Текста. Напомним, что в истории человеческой культуры знаковым моментом является связь голоса и мышления, мышления и человека. На острие критики оказался логоцентризм и его смысловые коннотаты (тео-телео-фалло-фоноцентризм). В действительности речь идет о закате (финале) так называемой богочеловеческой парадигмы с центральным образом адамического человека.

Логоцентризм как метафизическая практика удвоения значений, превращения феноменов в метафеномены и рефикационизм как практика их (феноменов) «овеществления» признаются рецидивной формой квазирелигиозного сознания, одной из многочисленных вариаций вековой «платонической» традиции: «Гипотеза о “трансцендентальном обозначаемом” — фундаментальная гипотеза всех дискурсов знака... выносит область языкового значения в конечном счете за пределы самого языка... Логоцентризм держится внутри онто-телеологии и философии присутствия» [9, с. 207].

В критической рефлексии над основаниями западной метафизики специально подчеркивается родство семиотики и теологии, когда «интеллигибельное лицо знака повернуто к лицу и слову самого Бога» [там же, с. 208]. Онтология, таким образом, квалифицируется как онтотеология, становится тавтологией и эгологией, а век знака отождествляется с «теологическим веком».

Фоноцентрическая («культура говорения») и логоцентрическая («культура слова») культуры уступают место постмодернистскому дис-

курсу молчания. Именно в этом ракурсе необходимо говорить о философии тишины и безмолвия, об эпохе «конца разговора», об «археологии молчания» (М. Фуко) и «замолкании» логоса (Ж. Деррида).

В кризисе референциальной («тестуалистской» или «лингвистической») парадигмы видит основу происхождения mass media П. Вирно [3]. В грамматике множества высказываний рождается и умирает сегодняшний безосновный мир «пустых слов и обещаний». Социокультурный феномен «болтовни» рассматривается Вирно с точки зрения его перформативной, но самозамкнутой и формальной природы. Высказывания, «освобожденные от обязательств пунктуального соответствия внеязыковому миру...могут неопределенно умножаться, рождаясь одно от другого» [там же, с. 113], создавая симулякры восприятий и фантазмы представлений. Именно аутореферентность «болтовни» подорвала референциальную парадигму, но одновременно создала условия перехода к альтернативным дискурсам и интеллектуальным практикам.

Стоит ли осмысливать происходящие изменения в категориях «структурно-лингвистической катастрофы», «контрлингвистической революции» [8], «тотальной дегуманизации» культурного пространства – вопрос открытой дискуссии внутри профессионального сообщества гуманитариев. Очевидно лишь, что прежние интенции и импульсы философствования иссякли, потеряли былой эвристический потенциал, поэтому идет активный поиск новых форм и практик философского теоретизирования, открываются альтернативные области и сферы философской аналитики.

В указанной связи можно специально отметить комплекс исследований, посвященных теории и практике «визуальных исследований», которые содержат программные заявления относительно заката эпохи «языкового доминирования» в культуре. «Визуальные исследования» с точки зрения их неоднородности и изначальной мультидисциплинарности сложно классифицируются, но так или иначе связаны с проблемой «зрения в контексте культуры», посвящены раскрытию граней «визуального опыта человека в современной культуре» [6].

В целом визуалистика представляет широкое поле междисциплинарных исследований (визуальная антропология, визуальная социология, медиафилософия и т. п.) актуализировавших феномен внеязыковых (долингвистических, паралингвистических и иных) форм медиальности.

От «текстопочитания» к «идолопоклонству» – таков мотив значительной части исследований, посвященных современным практикам визуальности. Один из идеологов «иконистики» и «визуалистики» В. Флюссер [12] считает борьбу письменности и изображения основным драматическим сюжетом исторической динамики культуры, или по словам автора, «центральным вопросом истории – вопрос о взаимоотношении текстов и изображений» [там же, с. 10]. Модусы языковости («текстуальности») и образности («пикторальности») всегда сопричастны

в практиках рефлексии, и их соотношение является определяющим для того или иного цикла социокультурной динамики. Собственно историческое сознание формируется в модусе языкового способа репрезентации как преодоление магических (иконических) форм репрезентации. История как «прогрессирующее транскодирование образов в понятия», «прогрессирующее расколдовывание», «прогрессирующее постижение» на нынешнем этапе техно-культурной эволюции переходит в постисторию, когда образность начинает отыгрывать у понятийности (дискурсивности) утраченные ранее позиции. Как указывает Флюссер, «с появлением письма началась история в узком смысле, а именно борьба с идолопоклонством», с появлением же современных форм медиальности (фотография, кино, Интернет) начинается «постистория» как «борьба с текстопоклонением» [там же, с. 18].

Интересные исторические аналогии с античными топологическими практиками анализа когнитивной сферы приводит П. Вирильо [2], воспроизводя известную метафору «мысли как транспорта» или «средства передвижения». Вопрос топологии мышления, или вопрос о месте формирования ментальной сферы, по мнению Вирильо, вполне традиционен для философии. Если у Флюссера базовым сюжетом в эволюции форм человеческого сознания является конфликт магического (образного) и исторического (понятийного) способов отражения реальности, то у Вирильо схожая проблема зафиксирована в конкуренции трансвизуального и транстекстуального оснований когнитивной сферы. Взгляд и его пространственно-временная организация, и это настолько очевидно, действительно предваряют любую языковую номинацию в познании, т. е. образы наших мыслей изначально рождаются в стихии долингвистических визуальных и иных телесных практик. Топологическая интерпретация ментальной сферы, позаимствованная Вирильо у создателя фотографии Нисефора Ньепса, выглядит следующим образом: «Точка зрения – это группа предметов в некотором отдалении, на которые зрение направляется и на которых оно останавливается» [там же, с. 38].

Пикторальная парадигма в социогуманитаристике возникает в тот самый момент, когда наступает эпоха «окончания разговора». Язык как самореферентная система приходит к рубежу собственного самоопустошения. Избыточность языка особенно стала ощущаться в ситуации разрастания «экранной культуры» и медиавизуальных средств коммуникации.

С учётом преемственности и взаимосвязи в развитии практик философской рефлексии принято также говорить о «постмодернистском витке» в «иконическом повороте», который обострил антитетику взгляда и глаза, видения и смотрения в человеческой культуре. Особый «метафорический» модус характеризует большинство текстов постмодернистских авторов, которые активно используют этот троп, создавая образно-смысловые фигуры и визуализированные метафоры. По мнению Батаевой [1], тексты французских постструктуралистов, «максимально

визуализированы; их содержание передается не столько с помощью рационально-логических выкладок или абстрактно-идеальных символов, сколько посредством образных фигур, зрительных метафор; они обладают пространственно-топологической разверткой и физически-ощущаемой рельефностью» [там же, с. 64].

Тема детерминации мышления базовыми метафорическими фигурами также остается на переднем плане обсуждения теоретиков визуалистики, поскольку показывает связь образного и вербального в системе языковых тропов. Выступая «интегральной областью социально-гуманитарного знания» [4], визуальные исследования специально обозначают возрастающую роль и значение визуальной информации в социальном пространстве по сравнению с вербальной информацией. В этом смысле язык визуальных образов оказывается в большей степени релевантен современной повестке дня. Медиавизуальная среда функционирует прежде всего как универсум образно-символических форм, которые превосходят вербальные практики насыщенностью и изобразительностью средств передачи информации.

В «иконическом повороте», таким образом, отражена новая модель мира – «мир предстает уже не столько как текст, сколько как образ» [там же]. Феномен медиавизуальности запускает процесс последовательной детекстуализации сознания и реальности. Не случайно современные исследователи специально подчеркивают особые метафорические основания мышления и познания. По утверждению А.Н. Фатенкова, в «метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления, «открыто раздаются голоса в пользу ее гипостазирования и распространения не только на сферу мышления и языка, но и область действия, практики» [11].

П. Рикер [10], представляя традиционную дихотомию между смыслом и представлением в анализе когнитивных процессов у Г. Фреге и Э. Гуссерля, ставит под сомнение е` значение и совместимость с функционированием метафорического смысла в познании. В метафоре Рикер предлагает выделять своего рода изобразительное измерение, то, что французский исследователь называет «изобразительной функцией метафорического значения», проявляющейся в способности метафор «показывать» смысл, создавать пресловутые «фигуры речи»: «Уже само выражение “фигура речи” подразумевает, что в метафоре, как и в других тропах и оборотах речи, речь воссоздает природу тела, показывая формы и черты, которые обычно характеризуют человеческое лицо, “фигуру” человека; это происходит так, как если бы тропы обеспечивали речи квазителесное воплощение» [там же, с. 417]. В целом, метафоры визуализации лежат в основании всей западноевропейской традиции мышления и фактом своего существования указывают на «телоразмерность» и «теловоплощенность» когнитивных практик и мыслительных стратегий.

В рамках проекта визуальной антропологии К. Вульф [7] последовательно проводит мысль о комплементарности языковых и визуальных перформативных средств и о нередуцируемости иконической информации к средствам вербальной коммуникации. Саму способность к воображению Вульф полагает условием гуманитарности – *condition humana*, т. е. средой существования и функционирования *Homo pictor*. В своих рассуждениях о хиастической структуре взгляда немецкий антрополог одновременно обозначает произошедшие мировоззренческие сдвиги в рамках так называемого «пикторального поворота». В первую очередь это касается последовательной критики «окулярцентризма» и производной от него практики ментализма, как и генетически связанной с ними лингвоцентричной парадигмы. Подобная критика осуществляется в общем контексте ревизии фундаментальных гештальтов европейской ментальности, в том числе пресловутой классической дихотомии субъекта и объекта. Воображение как основополагающая характеристика *Homo pictor* – «это энергия, связывающая человека с миром и мир с человеком» [там же, с. 121]. Но воображение не ограничивается оптическим измерением. Как утверждает Вульф, по сути, воображение кинестетическая сила, которая не менее важна для слухового, тактильного и обонятельного восприятий, чем для зрения: «То, что в этимологическом отношении воображение восходит к зрению – это характерная предвзятость нашей культуры и истории, определяющая самопонимание и миропонимание европейской культуры» [там же, с. 136].

Как мы видим, в очередной раз, только теперь уже в рамках визуалистики и «иконического поворота», на острие критики оказывается базовая для классической ментальности оптическая метафора, метафора «зеркала» или теория отражения. Указанная метафора генетически, контекстуально и семантически связана с дихотомией субъекта и объекта, с ключевой для философии сознания психофизической проблемой (психофизический дуализм) и со всей трансценденталистской интеллектуальной традицией.

Схожие интеллектуальные интенции можно обнаружить в творчестве К. Мокси [14], который в аналитике программных положений визуалистики предлагает телоцентричную (телесно-ориентированную) интерпретацию когнитивных процессов. В противовес менталистской установке о преимущественном доступе человека в мир через субстанцию души или сознания, Мокси выдвигает тезис об изначальной инкорпорированности и включенности человеческой телесности в мир через сенсорную чувственность и физическую активность: «Человек находит себя как «тело-в-этом-мире», а мир выступает для него как «мир-этого-тела» [там же, с. 130].

Хотелось бы подчеркнуть, что визуальные исследования не претендуют на последовательную ревизию всего предшествующего опыта философской рефлексии. Нет и не может быть в визуалистике и ради-

кальных попыток «закрытия» языкового мира. Опыт языкового опосредования, безусловно, учитывается специалистами VS. Как нам представляется, сущность «визуального поворота» заключена в отказе принять «языковое доминирование в обороте визуальных образов», в признании «способности самих изобразительных медиа, минуя язык, активно вмешиваться в опыт» [5]. То есть речь в действительности идет о расширении границ философского опыта.

Что такое лицо? Таким вопросом озадачивает нас современный представитель визуалистики Дж. Элкинс [13], проблематизируя лингвистический статус данной антропологической категории. Элкинс говорит о принципиальной невозможности «текстуализации» лица в любых лингвистических конвенциях, поскольку на самом деле лицо есть «странная ускользающая вещь, которую мы называем памятью, но которая в действительности является памятью чувства видения вместе с сиюминутными воспоминаниями цвета или тепла» [там же, с. 20]. Элкинс недвусмысленно указывает нам на необходимость обращения к альтернативным, нелингвистическим интерпретациям лица, актуализируя тем самым казавшийся ранее периферийным опыт перцептивных и иных телесных практик анализа: «Я думаю, что слова не могут дать нам лицо; лучшее, что они могут сделать, это напомнить, как мы вспоминаем лицо» [7, с. 21].

Список литературы

1. Батаева Е.В. . Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики. Харьков: ФЛП Лысенко И.Б., 2013. 349 с.
2. Вирильо М. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 306 с.
3. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.
4. Зенкова А.Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 184–193.
5. Круткин В.Л. Техногенные изображения в социальном познании // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 114–128
6. Крышталева М.К. Визуальный опыт человека в современной культуре // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 2. С. 165–168.
7. Вульф К. Homo pictor или возникновение человека из воображения // Вестн. Самар. гуманитар. академии. Сер. «Философия. Филология». 2008. № 1. С. 121–136.

8. Кутырев В.А. Последнее целование человека. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312с.
9. Найман Е.А. «Сцена письма» и «метаморфоза истины»: Ж. Деррида – Ж. Делез // *Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века*. Томск: «Водолей», 1998. С. 205–218.
10. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 416–433.
11. Фатенков А.Н. Метафора: философские грани лингвистической категории URL: <http://discourse-rm.ur.ru/avtor5/fatenkov.php> (дата обращения: 04.09.2015).
12. Флюссер В. За философию фотографии. СПб.: Изд. СПбГУ, 2008. 146 с.
13. Элкинс Дж. Исследуя визуальный мир. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 534с.
14. Moxey K. Visual Studies and the Iconic Turn // *Journal of Visual Culture*. 2008. № 7. С. 131–146.

PHILOSOPHY AS «A FABRICATION OF IMAGES»: AN ESSAY IN CRITICAL REFLEXIVE PERSPECTIVE

O.A. Vereshchagin

Nizhny Novgorod State University (Arzamas chapter), Arzamas

The article is aimed at critical reflexive evaluation of the contemporary visual studies practice. Visualistics (iconistic) is approached in its status of the integrated multidisciplinary area of socio-humanitarian studies. The experience of visual studies, the author believes, is complementary to the traditional practices of philosophical reflection and opens new perspectives in the analysis of cognitive phenomena and processes.

Keywords: *the linguistic turn, visual studies, iconic turn, representation, reference, image, picture*

Об авторе

ВЕРЕЩАГИН Олег Александрович – кандидат философских наук, доцент ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал), г. Арзамас. E-mail: helgardt@mail.ru.

Author information

VERESHCHAGIN Oleg Alexandrovich –Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Law, Philosophy and Social disciplines, Nizhny Novgorod State University (Arzamas chapter), Arzamas. E-mail: helgardt@mail.ru